
ФИЛОСОФИЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 241

СКВОРЦОВ Л.В.* ВИЗАНТИЙСКАЯ СИМФОНИЯ И САМОДЕРЖАВИЕ : ДИАЛЕКТИКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗУМА. DOI: 10.31249/rphil/2021.02.01

Аннотация. Рассматривается влияние Византийской симфонии на государственную политику в России. Отмечается, что взаимодействие патриарха и царя имело своей целью воздействие христианской морали на смягчение силового аспекта политики самодержавия и давления царя на поведение своего окружения. Анализируются исторические противоречия этого процесса, выявившиеся в эпоху царствования Ивана Грозного и Петра Великого, и причины отмены патриархата, и последствия сосредоточения государственной и духовной власти в руках самодержца. Рассматриваются факторы, влияющие на реанимацию философии и логики Византийской симфонии в ее трансформированном виде – применительно к современным условиям.

Ключевые слова: Византийская симфония; цивилизация; мораль; политика в России; патриарх; царь; самодержавие; Иван Грозный; Петр Великий.

SKVORTSOV L.V. Byzantine symphony and autocracy: dialectics of the civilizational mind.

Abstract. The influence of the Byzantine Symphony on state policy in Russia is considered. It is noted that the interaction of the Patriarch and the Tsar was aimed at influencing Christian morality to miti-

* Скворцов Лев Владимирович – доктор философских наук, руководитель Центра гуманитарных научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: skvortsovcgsir@mail.ru

gate the power aspect of the autocracy's policy and the influence of the Tsar on the behavior of his entourage. The author analyzes the historical contradictions of this process that emerged during the reign of Ivan the terrible and Peter the Great, and the reasons for the abolition of the Patriarchate, and the consequences of the concentration of state and spiritual power in the hands of the autocrat. The factors influencing the reanimation of the philosophy and logic of the Byzantine Symphony in its transformed form – in relation to modern conditions—are considered.

Keywords: Byzantine Symphony; civilization; morality; politics in Russia; Patriarch; Tsar, autocracy; Ivan the Terrible; Peter the Great.

Для цитирования: Скворцов Л.В. Византийская симфония и самодержавие: диалектика цивилизационного разума // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3 : Философия. – 2021. – № 2. – С. 7– 37. DOI: 10.31249/rphil/2021.02.01

Часть I

1. Исток морального противоречия

Особенность нашего времени заключается в том, что, казалось бы, очевидные основы моральной истины в человеческих отношениях попираются всё более открыто. И это наблюдается не только в межличностных отношениях, но и в отношениях межгосударственных, межнациональных.

Тотальное крушение моральных принципов и норм наблюдалось в 90-е годы XX в., когда на поверхность жизни общества всплыли группировки организованной преступности, когда «нормой» жизни становилась коррупция, в том числе и на высоких этажах государственного управления.

Для России наступили времена «смуты», самораспада, подчинения политики страны стратегии стран Запада.

Предательство становится своеобразной нормой, которой перестают удивляться, если за такого рода актами лежат материальные, финансовые интересы.

Эти процессы цивилизационного самораспада общества стали результатом разрушения Советского Союза, прихода к власти неолиберальных идеологов, практически реализовавших политику перестройки. Перестройка, соединившаяся с западным информа-

ционным правлением, породила деструктивные тенденции, определенные проявлением нравственной растерянности. Естественное стремление быть «передовым», не «отставать» от велений времени давало толчок для возникновения нравственного хаоса.

Запад давно погрузился в реальность аморализма, который охватил правящую элиту. Апогеем демонстративного аморализма стали легализация однополых браков и их активная пропаганда.

Эта пропаганда направлялась на Восток, имея целью разрушить сложившиеся брачные традиции и отношения. Насаждение гомосексуализма подавалось как торжество прав человека, свободы и демократии. Так что все, выступавшие против сексуальных извращений, попадали в разряд «отсталых» традиционалистов и «врагов» свободы.

В России как в зеркале отражались брачные и сексуальные новации Запада.

15 июня 2020 г. на канале Россия-1 состоялась телевизионная передача «60 минут», которая была посвящена проблеме морального состояния населения страны.

Открылась довольно печальная картина противостояния точек зрения на моральную ситуацию. Высказывалась озабоченность в связи с очевидной хаотичностью моральной ситуации, которая проявляется в неблагополучии семейных отношений; проблемах воспитания детей в семье и в школе; проблеме разводов, продажности «любви», неверности в брачных отношениях, применения насилия в семье.

Страна оказывается под нарастающим внешним давлением, связанным с узаконением на Западе однополых браков, разрушением семейных традиций. Очевидное, что лежит на поверхности, – это отсутствие устойчивых, общепризнанных правил семейной жизни, межличностных отношений. Можно сказать, что в понимании правильности межличностных, семейных отношений отсутствует общепризнанный *порядок*. Конечно, порядок заключения браков существует, но это как бы внешний, административный порядок. Отсутствует внутренний, духовный порядок, который воспринимается как *сакральная истина*, истина спасения *любви* в межличностных отношениях, искреннего восприятия *долга* в отношении сохранения и обеспечения условий жизни семьи, правильного воспитания детей.

Как оказалось, мы не можем сказать что-то внятное о том, как формируются правильные межличностные отношения и чем вообще обусловлена *правильность* межличностных отношений. Как определяется правильность отношений между народами и государствами. Мы делаем вид, что для нас не существует загадок в этих вопросах, у нас даже имеются специалисты, которые могут поправить тех любителей-самоучек, которые дают свои ответы на вопросы, в которых они не разбираются и поэтому постоянно попадают впросак, ломая свою личную жизнь через свою карьеру.

Моральная деградация – это серьезное цивилизационное заболевание, крайне опасное психологически поскольку заболевший морально человек, как ему кажется, идет навстречу своим желаниям, навстречу свободе их исполнения, а значит, и правильному осуществлению смысла своей жизни, которая дается ему только один раз.

Эта особенность морального заболевания делает его неизбежным и обретающим массовый характер. Вместе с тем лечение этого заболевания кажется весьма непопулярным, требующим ограничения или самоограничения свободы самореализации эмпирически возникающих желаний индивида.

Цивилизационная самореализация социума требует единых действий и дисциплины их систематического целенаправленного осуществления. Это единство образует *ткань цивилизации*, прочность которой определяется осмысленным ограничением свободы эмпирически возникающих желаний индивида, которые методично порождают эрозию единства действий и дисциплины цивилизационного субъекта. Если единство действий и дисциплины образует прочность цивилизационной ткани, то свобода реализации эмпирически возникающих индивидуальных желаний подобно моли разъедает прочность этой ткани. Этот процесс малозаметный и постепенный, длящийся десятилетиями и столетиями. В конечном итоге лозунг индивидуальной свободы становится доминирующим и цивилизация, радикально ослабленная изнутри массовыми желаниями составляющих ее свободолюбивых индивидов, *рушится*.

Цивилизационное заболевание, достигающее в определенный момент времени той стадии, которая уже не может быть незамеченной, вызывает к жизни применение жестоких форм мораль-

ной *терапии*, придающей индивидуальным формам поведения соответствующий цивилизационным интересам универсальный смысл. Индивид, увидевший в реализации универсального цивилизационного смысла истину своего бытия, проходит стадию перевоплощения, превращения в *персону*, познавшую *константные принципы жизни и принявшую абсолютный смысл бытия*, это – *сакральный смысл*.

Таким образом, проблема прочности ткани, соединяющей индивидов в целое, это не только проблема совпадения индивидуального интереса личности с универсальным интересом цивилизации, но и проблема того, какому интересу личность придает *абсолютный смысл*: своему индивидуальному интересу или общему интересу самосохранения и самоутверждения данной цивилизации.

Проблема цивилизационной терапии состоит в возможности осмысленного выбора ее абсолютного смысла.

2. Формы моральной терапии

Цивилизационное состояние воспринимается как «нормальное», если оно воспроизводит себя для каких-либо серьезных отклонений, составляющих угрозу для его существования. Здесь можно провести определенную аналогию с состоянием организма человека. Это состояние считается «нормальным», если нет каких-либо серьезных отклонений от показаний, свидетельствующих о его здоровье. Вместе с тем возможна видимость отклонений от нормального состояния и возникновения показаний о наличии серьезного внутреннего заболевания, представляющего угрозу для жизни человека.

В состоянии цивилизации также возможны скрытые явления, эволюция которых может завершаться смертельным исходом.

Классическим примером такого цивилизационного процесса со смертельным исходом считается история Рима. Внешняя мощь империи, ее легионов, огромные жизненные пространства и охватывающие их дорожные сооружения, акведуки, архитектурные шедевры – всё это величие подтачивалось изнутри нарастающим моральным недугом, превращающим индивидов во внутренне настроенных друг против друга *врагов*. Внешняя мощь Рима со-

хранялась и умножалась, и этот процесс превращался в его самодеструкцию.

Внутри Империи, а именно в Иудее, возник Христос, великий мастер, который знал средство, которым можно лечить болезнь Рима. Парадокс ситуации, однако, состоял в том, что панацея, с помощью которой можно было излечить Рим, первоначально воспринималась как причина его саморазрушения.

Явление Иисуса Христа и его обращение с учением, которое дало толчок для моральной самотрансформации Римской империи, родило народы, которые стали носителями новой моральной реальности. Старый имперский Рим исчез.

Что это за новая моральная реальность, о которой говорил Иисус Христос? Новая моральная реальность *это сам Иисус Христос* как носитель той истины, которую он получил от своего Отца, т.е. от Бога.

Я есмь истинная виноградная
лоза, а Отец Мой – виноградарь...
Вы уже очищены через слово,
которое я проповедовал вам.
Пребудьте во мне, и Я в вас...
Я есмь лоза, а вы ветви,
кто пребывает во Мне, и
Я в нем, тот приносит много
плода; ибо без меня не можете
делать ничего.
Если пребудете во Мне и слова
Мои в вас пребудут, то чего ни
пожелаете, просите и будет вам.

Между Иисусом Христом и его учениками возникает новый тип человеческих отношений. Христос и его ученики – это единая общность. Христос – Лоза, а ученики – это ветви лозы. Это – форма самоотождествления. Самоотождествление рождает отношения *взаимной любви*. Это – сакральные отношения: Христос соблюдал заповеди Отца и пребывал в его любви. Если ученики соблюдают заповеди Христа, то они пребывают в его любви. Это та самая

большая любовь, когда кто положит душу свою за друзей своих. Что это значит?

Это значит, что их Христос не называет рабами, ибо раб не знает, что делает господин его, но называет их друзьями.

Ученики такие, потому что их избрал Христос и поставил их так, чтобы плод был таким, что любая просьба к Отцу во имя Иисуса Христа была удовлетворена.

Это фактически личная безграничная сила, идущая от всеисилия. От всеисилия Отца, а *не от мира*. Человек узнает, что Мир пребывает в грехе. «Если бы Я, говорил Христос, не пришел и не говорил им, то не имели бы греха, а теперь не имеют извинения во грехе своем.

Если мир, узнавший вас, ненавидит, то знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Тот, кто послал Иисуса Христа на распятие, хотя вышел к Иудеям и сказал им, что никакой вины не находил в Нем. Однако Иудеи отвечали ему, что по закону он должен умереть, потому что сделал себя Сыном Божиим. Когда Пилат сказал Иудеям, что он Царь ваш, то первосвященники отвечали: нет у нас царя кроме Кесаря. Первосвященники были старые люди. Они не лечили болезни Рима, а усугубляли ее.

Пилат предал Иисуса Христа на распятие.

Понтий Пилат и Иудеи – это тот *мир*, в котором находился Иисус Христос и те ученики, *которых он выбрал*. Не они выбрали его, а он их выбрал, поскольку считал, что они могут воспринять его в себя и стать другими, приносящими тот *плод*, который станет исходным пунктом глубинного нравственного преобразования *мира*.

Плод – это смысл, который противостоял *миру* и начинал его нравственную переформатизацию. Изначально эта задача могла восприниматься как утопическая в своей сущности. Но утопией казалась вера во всеисилие Кесаря. Ее очевидным следствием стал тот факт, что Иисус Христос, распятый на кресте, стал духовным главой Ватикана, определяющего внутреннюю сущность нового Рима. И не только Рима, но и других столиц европейских государств.

Каким образом распятый на кресте Иисус Христос мог победить власть Кесаря? Эта победа реализовывалась вопреки позиции

верховой императорской власти, которая в конечном счете была вынуждена признать свое поражение.

Понтий Пилат, посылая Иисуса Христа на распятие, продемонстрировал превосходство своей власти над смыслом. Но вместе с тем, поскольку этот смысл нес *смысл спасения* человечества, то он стал воплощением *истины* жизни. Это значит, что власть Кесаря в своем проявлении становилась грехом, отрицанием истины жизни. И это был ее приговор: она должна была рухнуть, что в конечном счете и произошло.

Иисус Христос вышел в мир от Отца как носителя истины, открыл истину ученикам, оставил мир и вернулся к Отцу, т.е. к Богу. Тем самым он сохранил себя как носителя истины. *Истина – это путь к вечной жизни*. Эта истина и должна была обеспечить нравственную переформатизацию человечества. «Я победил мир», – сказал Иисус Христос своим ученикам; обращаясь к Богу перед казнью, Иисус сказал о своих учениках: «Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира». Мир не несет в себе истины. Начался процесс нравственной переформатизации мира, и он продолжается до сих пор.

Мир, таким образом, меняется, происходит его нравственная трансформация. На каждом новом этапе своей эволюции мир освобождается от своего греха, если он постигает *истину*. Истина ведет к приобщению к вечной жизни. Стало быть, на путь истины вступают те, кто приобщает человека к вечной жизни как реальному явлению. Очевидно, что если человек отождествляет смысл своей жизни с жизнью своего рода, своего народа, то вечность его бытия определяется тем смыслом, который он передал *своему* роду. Жизнь рода может не иметь ограничений, если род идет по пути истины. Эта логика присутствует и в других всемирных религиях.

Так, например, Коран утверждает, что «Аллах избирает посланников из ангелов и из людей». Они несут веру, и верующие счастливы, поскольку они «наследуют рай, они в нем пребудут вечно». Те же, «которые не веруют в будущую жизнь – уклоняются от пути! Они не пребудут вечно».

Выбор вечного счастья в раю или вечного мучения в аду очевиден. Построение земной жизни в соответствии с выбором характера вечного бытия становится в своем массовом выражении важным фактором спокойствия государственной жизни. Этим

определяется глубокая заинтересованность государства в создании форм и механизмов влияния на содержание религиозной жизни и ее смысловые характеристики. Оно может становиться инициатором осуществления религиозных революций со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В качестве иллюстрации можно сослаться на духовный переворот, осуществленный на Руси великим князем Владимиром (980–1014). Владимир начал свое управление с того, что освободился от влияния варягов, освободив жителей Киева от уплаты дани с каждого по две гривны. Он выслал варягов в Грецию, удержав на Руси достойнейших.

Утвердив свою власть, Владимир соорудил нового истукана Перуна. Это была дань языческим богам за совершенное им братоубийство.

Владимир имел четыре супруги и, если верить летописи, сотни наложниц.

В благодарность идолам Владимир решил обогреть человеческой кровью языческие памятники. Жертвы были выбраны по жребию. И жребий пал на юного варяга, отец которого был христианином.

Отец и сын были умерщвлены! Церковь чтит их как святых Феодора и Иоанна.

Владимир, добиваясь военных и дипломатических успехов, вместе с тем все более отчетливо понимал необходимость глубоких духовных перемен, позволяющих ему укрепить свою власть с учетом специфики внешнего окружения Руси. Соседи Руси хотели оказать духовное влияние на Владимира, с тем чтобы найти пути политического влияния на него. Ему направлялись послы, предлагавшие принять магометанскую веру, послы немецких католиков, представители иудейской религии.

Философ, присланный греками, изложил содержание Ветхого и Нового завета, показав в заключение картину Страшного суда.

Владимир сказал: «Благо добродетельным и горе злым!» «Крестися, – сказал Философ. – и будешь в раю с первыми» [1, с. 127]. Ключевую роль для Владимира сыграли не религиозные, а государственные соображения.

Владимир предложил посмотреть на характер богослужения в различных религиях. Наибольшее впечатление на русских по-

сланников произвело богослужение в Софийском соборе. Послы говорили князю с восторгом о византийском богослужении. При этом ссылались на мудрость Ольги, которая приняла греческий закон.

При этом, как отметил П.М. Карамзин, гордость могущества и славы не позволяла великому князю унизиться до признания своих языческих заблуждений. «Он задумал, так сказать, завоевать веру христианскую и принять ее святыню рукою победителя» [1, с. 129]

Владимир осадил Херсонес и, завоевав его, объявил императорам Византии Василию и Константину, что желает быть супругом их сестры, царевны Анны. Императоры, в силу беспорядков внутри империи, давали согласие на требования Владимира, но при условии, что он, приняв веру христианскую, получит и руку царевны Анны. Таким образом, принятие христианства оказывалось обусловленным политическими соображениями двух сторон в большей мере, нежели осмыслением спасительной сущности христианства как пути нравственного перевоплощения человека. При этом на великого князя оказала влияние болезнь его глаз. Анна убедила Владимира немедленно креститься, так что он прозрел в эту самую минуту, что оказало на него и на бояр большое впечатление.

Князь, как союзник императоров, отправил к ним часть своей дружины, с помощью которой был разбит мятежник Фока, и в империи была восстановлена тишина.

Херсонес был возвращен греческим царям в знак благодарности за руку царевны Анны.

Укрепление властных позиций Владимира позволило ему осуществить подлинную религиозную революцию. Вернувшись в Киев, князь осуществил истребление языческих кумиров, а главного кумира, Перуна, сбросили с горы в Днепр. На другой день Владимир приказал объявить в городе, чтобы все русские люди, бедные и богатые, шли креститься. Великий князь в сопровождении бояр и греческих священников явился к месту крещения, и массы людей, в том числе и матери с младенцами на руках, вступили в воду, а священники читали молитвы и пели славу Владимиру. Священный собор объявил всех граждан киевских христианами.

Великий князь стремился просветить Россию на основе книг, переведенных на славянский язык Кириллом и Мефодием, создал для отроков училища. При Владимире было завершено строительство каменного храма, посвященного Богородице. Он отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсонесе, и установил передавать церкви десятую часть княжеских доходов [1, с. 135–136]. Принятие христианства великим князем тесно связано с решением фундаментальных государственных проблем. Вместе с тем христианское учение оказало воздействие на самосознание Владимира, на его отношение не только к дружине и боярам, но и к простому народу, на его широкую благотворительную деятельность, на установление мирных отношений с соседними государствами. В христианизации Руси важную роль играла супруга великого князя, Анна.

Таким образом, в истории возникают формы моральной терапии, которые реализуются вопреки действующему государственному порядку. Иисус Христос как спаситель действует как носитель духовной истины, которую он провозглашает как истину Бога, его Отца. Иисуса Христа подвергают распятию на кресте. Но истину его учения остановить невозможно, она оказывается всемогущей, определяя свою самостоятельную роль и утверждая свои специфические отношения с государственными структурами мира и преодолевая свои внутренние противоречия, следствиями которых становится рождение различных направлений протестантизма. На Руси существующая государственная власть и христианская церковь образуют сложное соединение светского властного и церковного духовного начал.

Своеобразное геополитическое положение Руси между мотом и наковальней, Востоком и Западом, определило и своеобразие эволюции Византийской симфонии. В ходе исторического процесса на основе практического опыта складывается система отношений самодержавия и общества, государства и христианской церкви. В итоге складываются характерные для России отношения вертикальной соборности в структуре Византийской симфонии, отношения патриаршества и царства [3, с. 147–150]. «Патриаршество и Царство в соответствии с византийской традицией были неразрывно связаны. Исчезновение первого влечет за собой исчезновение и второго.

Унификация власти, преодоление ее духовности ввело механизм замедленного действия, который *взорвал империю*» [3, с. 150].

3. Трансформация Византийской симфонии

Феномен Византийской симфонии как органичного взаимодействия государственной власти, власти светского порядка и власти морального порядка, имевшего исторический характер автономной духовной власти церкви, содержит в себе выходящий за свои исторические пределы универсальный смысл. Это со всей очевидностью проявилось после Великой Октябрьской социалистической революции, когда государственная власть отделила себя от церкви и встала на путь конфронтации с ней как организацией, которая была связана с сословным строем самодержавной России. Однако главной проблемой было ключевое различие в толковании *истины бытия универсума*. Это расхождение ставило власть и церковь во взаимоисключающие позиции. Практика исторического выживания России заставила корректировать, а затем и преодолевать эти позиции. Власть Советов встала перед проблемой морального формирования народа и столкнулась с той же проблемой, которую не смогла обойти и дореволюционная Россия. Казалось бы, совсем в иной ситуации аналогичную картину мы наблюдаем и после Октябрьской революции. Монополизация духовной истины, превращение Генерального секретаря в главу духовной и светской власти также влекут за собой нарушение дуальности истины бытия и падение власти партии, которая казалась незыблемой [3, с. 150]

Возникает вопрос: чем объясняется отступление от Византийской симфонии: злой волей светской власти или несовместимостью логики верховной государственной власти, логики ее морали и морали христианской, как она определила себя вместе с явлением и словом Иисуса Христа?

Прояснение ситуации дает исторический опыт, в котором проявляются мотивы моральной логики государственной власти, отличной от изначального понимания моральной истины Иисусом Христом.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть те внутренние моральные мотивы, которые привели к возникновению *опричнины*, рожденной волей Иоанна Грозного.

Самосознание Иоанна Грозного отличала *сильная набожность*, которая определила влияние на него священника Сильвестра. Вместе с тем опыт детства оказал воздействие на его *отношение к боярам*, что определило его сближение с Адашевым, человеком относительно низкого происхождения [4, с. 506]. Определенное нравственное напряжение между Иоанном и Сильвестром возникало уже тогда, когда Сильвестр и бояре выступили против твердого намерения Иоанна покорить Ливонию. Сильвестр стал внушать Иоанну, что все неприятности, его болезнь, жены, детей – это божьи наказания за то, что он не слушался его советов и продолжал воевать с ливонцами [4, с. 570]. Это была попытка управления царем. Иоанн окончательно потерял веру в Сильвестра и его стремление управлять совестью царя после своего возвращения в 1553 г. из казанского похода, когда он опасно заболел и предложил двоюродному брату Владимиру Андреевичу Старицкому и боярам подписать духовную и взять клятву в верности своему сыну Димитрию.

Князь Владимир выставил свои права на престол после смерти Иоанна. Сильвестр принял сторону Владимира, а отец Адашева также выступил в пользу Владимира. Царь говорил боярам: «Если вы сыну моему Димитрию креста не целуете, то, значит, у вас другой государь есть; а ведь вы целовали мне крест не один раз... кто не хочет служить государю-младенцу, тот и большому не захочет служить; и если мы вам не надобны, то это на ваших душах» [4, с. 509]. Иоанн понимал, что если победит князь Владимир Андреевич, то его семья жить не сможет, и поэтому в случае своей смерти он требовал отъезда членов его семьи за границу. Вместе с тем в случае выздоровления он не мог забыть о той ситуации, которая сложилась в отношениях бояр вокруг присяги на верность служения царскому роду. И с тех пор, говорится в летописи, «пошла вражда, между боярами смута, и царству во всем скудость» [4, с. 511]. Больше всего поразили Иоанна поведение Алексея Адашева и его отца и явное заступничество Сильвестра за князя Владимира. Сильвестра и Адашева Иоанн видел в числе людей, которые вели его семейство к гибели.

Мораль христианства требовала дружеского взаимодействия и любви, тогда как противоборство вокруг высшей власти рождало измену и ненависть. Это – совсем другая мораль, мораль выживания, сохранения высшей власти опирающихся на недоверие и подозрительность, которые имели своим следствием неизбежность эрозии логики Византийской симфонии. Этот процесс делает правдоподобным мнение князя Курбского о том, что сказал на ухо Иоанну любимец его отца, великого князя Василия, монах Иосифова Волоколамского монастыря Вассиан Топорков: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех».

Курбский утверждал, что от этого силлогизма Топоркова произошла вся беда, перемена в поведении Иоанна. Можно сказать, что перемена в поведении Иоанна действительно происходит под воздействием понимания открывающейся перед ним *истины*, согласно которой, если он будет следовать заповеди христианской любви, то потерпит сокрушительное поражение, вплоть до гибели его семьи.

Вот почему он сказал Вассиану: «Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!» [4, с. 515]. Практическое осуществление самодержавной власти обнаруживает дилемму, которая заключает в себе Византийская симфония: если вы в реализации верховной власти следуете христианским моральным заповедям, то вы лишаетесь верховной власти, т.е. проигрываете свою цивилизационную игру. Но если вы последовательно отвергаете моральные заповеди христианства, то вы вступаете на путь скрытой перманентной гражданской войны. Значит, для спокойствия в государстве надо добиться того, чтобы деятельность церкви духовно одобряла те решения, которые принимает верховный руководитель государства. Охранение видимости Византийской симфонии требует самоограничения автономии патриаршества.

Князь Курбский обвинил Иоанна в том, что он удалил Сильвестра и Адашева без открытого разбирательства их дела. В ответе Курбскому Иоанн показал, как действовали Сильвестр и Адашев, чтобы блокировать его решения. Принимая свои решения, игнорируя Иоанна, они обращались с царем не как с владыкой, а как с низшим: «вот мне кричат, что и душа-то моя погибнет и царство

разорится. И такое утеснение увеличивалось не день ото дня, но час от часу» [4, с. 519].

Речь, таким образом, шла о подчинении воли Иоанна. «Когда мы выздоровели, – писал Иоанн князю Курбскому, – Сильвестр и Адашев не переменили своего поведения: на доброжелателей наших под разными видами умышляли гонения, князю Владимиру во всем потакали, на царицу нашу Анастасию сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всем нечестивым царицам, а про детей наших тяжело им было и вспомянуть» [4, с. 519–520]. Центральный смысл противоречия Сильвестра и Адашева с царем состоял в том, что *они представляли свои советы Иоанну как веления божии*.

Характерно, что Иоанн утверждал, что не сделал Сильвестру никакого зла, не хотел судить его, а будет судиться с ним перед судом Христовым. В этом проявлялось действие логики Византийской симфонии. Характерна и постепенность осуществления опалы: сначала удаление некоторых; взятие клятвы с оставшихся не общаться с удаленными; поскольку клятвы не соблюдаются и сторонники Сильвестра и Адашева стараются вернуть им прежнее влияние, то следуют казни [4, с. 521].

Иоанна обвиняли в двух убийствах, совершенных в церкви – князя Михаила Репнина и князя Дмитрия Овчиника, – как признак нравственной порчи.

Иоанн, однако, в ответе Курбскому говорил, что «крови в церквах никакой мы не проливали и порогов церковных кровью не обагряли» [4, с. 523]. То есть церковь оставалась для него сакральным местом.

Иоанн в качестве наказания отправлял бояр в ссылку за связь с Сильвестром и Адашевым, как он выражался, «с нашими изменниками». При этом ссыльные князья получали богатое жалованье. Так князь Михайла Воротынский был сослан с семьей на Белоозеро. Приставы опального вельможи в 1564 г. требовали дослать князю двух осетров свежих, двух севрюг свежих, полпуда ягод винных, полпуда изюму, трех ведер слив. Было приказано дослать [4, с. 524].

Князь Андрей Михайлович Курбский из-за неудачной битвы с литовцами под Невелем сбежал к королю Сигизмунду-Августу, который хорошо его принял.

В письме к Иоанну Курбский так объяснял причину своего побега: «Какого зла и гонения от тебя не претерпел Я! Каких бед и напастей на меня не воздвиг ты? Каких презлых лжесплетеней не взвел ты на меня!.. Не исходатайствовал от тебя никакой милости архиерейскими чинами» [4, с. 524].

Иоанн отвечал ему: «Зачем ты за тело продал душу? Побоялся смерти по *ложному* слову своих друзей? От этих бесовских слухов наполнился ты на меня яростию! Ты за одно слово мое гневное душу свою погубил» [4, с. 524].

Очевидно, что дело было не в одном гневном слове, а в связи князя Курбского с Сильвестром и Адашевым, с изменниками, и за невельскую битву, за что ему могла грозить смерть. Курбский получил письма от короля Сигизмунда, от сенаторов, Николая Радзивилла, гетмана литовского, и Евстафия Воловича, канцлера литовского. Его приглашали оставить Московское государство и приехать в Литву с обещанием приличного содержания. Курбский как один из самых образованных людей своего времени не мог молча расстаться с Иоанном.

В их переписке раскрывается специфическая особенность цивилизационных явлений того времени, в том числе и проблемы моральной истины.

В переписке князя Курбского с Иоанном IV отчетливо проявилась проблема природы высшей государственной власти. Логика поведения вокруг высшей власти сохраняется в веках.

Курбский всё время держал в своей памяти, что он потомок князей ярославских и смоленских. Он имел в виду, что эти родственные связи дают ему право быть таким советником при решении государственных вопросов, который обладает *правом голоса* в решении государственных проблем. Аналогичной позиции придерживались Сильвестр с Адашевым. Сильвестр несогласия Иоанна с ним и его советниками выставлял как несогласие с велением божиим.

Таким образом, речь шла о духовной диктатуре, об ограничении абсолютной власти царя в принятии решений. Для царя мнение советников было лишь *средством* для принятия правильного решения, а не обязывающим его указанием. Потомкам князей и представителям церкви не нравился новый титул царя, который утверждался Иоанном IV как условие принятия правильных госу-

дарственных решений. Отдаление от трона Сильвестра с Адашевым, ссылка князей определялись утверждением самодержавной власти как условия принятия *правильных* государственных решений.

В утверждении своей позиции царь исходил из того, что раздробление верховной власти имеет своим следствием ослабление государства, его способности противостоять внешним угрозам и утверждать внутренний порядок в стране.

Царь – носитель государственной истины. Но это так, если царь обладает нестандартным интеллектом и стоит на высокой нравственной позиции, выражающей общую волю народа.

Встает вопрос: с чем совпадает государственный разум, если он не совпадает в данной исторической ситуации с самосознанием конкретного, эмпирически данного царя?

В этом случае государственный разум может отделяться от эмпирически данного самосознания царской персоны.

В этой ситуации государственный разум может перемещаться, расширять свое присутствие, посещать сознание патриарха, сознание представителей княжеских родов или сознание народных масс.

Так где же располагается государственный разум? Это проблема *философии разума*, его *диалектики*, самоутверждения и самоотрицания.

В контексте диалектики разума звучит упрек Иоанну со стороны Курбского, который пишет ему: «Ты называешь нас изменниками, потому что мы принуждены были от тебя поневоле крест целовать, как там есть у вас обычай, а если кто не присягает, тот умирает горькою смертию; на это тебе мой ответ: все мудрецы согласны в том, что всем кто присягнет поневоле, то не на том грех, кто крест целует, но преимущественно на том, кто принуждает, если б даже и гонения не было; если же кто во время прелютого гонения не бегаёт, тот сам себе убийца, противящийся слову господню: “Аще гонят вас во граде, бегайте в другой”» [4, с. 524].

Позиция Иоанна определялась его уверенностью в том, что верховная власть царя обусловлена тем, что она выражает интересы Руси как единого целого, что и определяет ее самосохранение и ее успехи в отражении внешней агрессии и укрепление ее геополитических позиций.

Оппозиция царю как раз определяла приоритет *частных интересов и социальных позиций*.

Сильвестр обуславливал истину этих частных позиций тем, что они выражали *волю бога* и поэтому были обязательными к исполнению. Но это «веление божие» было не чем иным, как *мнением* той группы лиц, которые стояли за Сильвестром.

Позиция Курбского отражала притязания князей на свои доли государственной власти. Но эта позиция вела к раздроблению государственной воли и страны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Обе позиции отражали реальность определенных политических сил.

Иоанн IV в своих ответах подчеркивал, что его право на самодержавный престол берет свое начало от великого князя Владимира: «мы родились на царстве, а не чужое похитили». «Русские самодержцы изначала сами владеют всем царством, а не бояре и вельможи». «Вам, – писал Иоанн Курбскому, – вместо царского владения нужно самовольство». «Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобные брани не прекратятся» [4, с. 529].

Таким образом действительность государственной жизни вносит свои коррективы в логику Византийской симфонии.

В своей абстрактной форме Византийская симфония соответствует требованиям разума. Однако действительность человеческих отношений применительно к жизни государственного целого вносит свои коррективы. *Разум оказывается в едином самодержавном порядке государственной жизни*. Если истина для народа заключена в познании Бога, то *Бог и дает государя как носителя истины*. Это – интерпретация Иоанна Грозного, которая становится оправданием самодержавия.

Причина гнева Иоанна состояла в том, что бояре и приказные люди сделали много убытков народу, расхищали казну и доходов никаких не приносили. Бояре и воеводы присваивали государственные земли, раздавали их родственникам и друзьям, держа за собой поместья и вотчины. Получая жалованье от государства, о государе и государстве они радеть не желали. Иоанн отделяет себя от этой социальной среды и направляет объяснение причин своего отъезда митрополиту и грамоту всему православному христианству Москвы.

Все начали упрашивать митрополита, чтобы он умилиствовал государя, просил его не оставлять их на расхищение волкам. Духовенство и бояре явились в Александровскую слободу и объявили Иоанну общее решение: пусть правит, как ему угодно. Иоанн челобитье принял с тем, чтобы на изменников и ослушников класть опалы, казнить, упредить в государстве *опричнину*: двор сделать особый; бояр, дворецких назначать и дьяков, приказных людей, дворян, детей боярских, стольников, стряпчих назначить особым; во дворцах назначить особым ключников, поваров, всяких мастеров. Стрельцов назначить особым же. Назначены были города и волости, с которых доходы шли на государственный обиход [4, с. 533–534].

Таким образом Иоанн создавал социальную базу для реализации своей политики, обеспечивающей ее единство в самосохранении, укреплении и противодействии оппозиции. Бояре и приказные люди, которые за измену заслужили смертную казнь, теряли свои имения, которые переходили в казну.

Старые вельможи оставались при своих должностях, но Иоанн не хотел их видеть подле себя. Так возникла опричнина, целая дружина временщиков, поддерживающих друг друга, настроенных против бояр, которые крест целуют и изменяют, держат города и волости и богатеют от слез и от крови простого народа. Противники Руси пытались использовать ситуацию в своих интересах. Король Сигизмунд-Август направил грамоты князьям с предложением перейти на его сторону. Грамоты были перехвачены.

Духовенство содействовало утверждению единовластия, но в то же время сдерживало насилие и брало опальных на поруки. Апогея остроты противоречия между Иоанном и митрополитом достигли, когда митрополитом стал Филипп.

Против Филиппа были направлены доносы, и 8 ноября 1568 г. опричники вывели Филиппа из Успенского собора. Народ бежал за ним со слезами [4, с. 539]. Филипп был изгнан в Тверской монастырь. В 1569 г. Иоанн, проезжая через Тверь послал Малюту Скуратова к Филиппу за благословением. Филипп отказался, сказав, что благословляют только добрых и на доброе. Малюта Скуратов задушил Филиппа. Это было физическое начало экспроприации второго полушария Разума, составлявшего сущность

Византийской симфонии. Этот акт превратился в исходный пункт новгородской бойни.

У Иоанна существовало подозрение о подготовке в Новгороде коллективного предательства. Подозрение стало достаточным основанием для того, чтобы на волю вырвалась ничем не ограниченная жестокость. «Обвиненных привязывали к саням, волокли к Волховскому мосту и оттуда бросали в реку: жен и детей их бросали туда же с высокого моста, связавши им руки и ноги, младенцев привязавши к матерям... кто всплывает наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в глубину».

По окончании расправы Иоанн стал ездить по монастырям, приказывая грабить кельи, служебные дома, жечь хлеб и бить скот. Потом начал ездить по посадам, велел грабить все дома, всех жителей без исключения, мужчин и женщин. Разгром продолжался шесть недель. Это был апогей разрушения Разума.

После разгрома Иоанн велел собрать лучших людей Новгорода и призвал их молить господу Бога о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих, царевичах Иване и Федоре и о христоробивом нашем воинстве [4, с. 542]. Вместе с тем Иоанн отослал в Александровскую слободу новгородского архиепископа Пимена, которого подозревали в сношениях с боярами, которые вели переговоры с литовским королем о сдаче ему Новгорода и Пскова.

Как эти факты влияли на отношение Иоанна к Православию? Этот вопрос встал перед Иоанном, когда к нему приехал иезуит Поссевин, посол папы Римского. Папа присылал царю книгу о Флорентийском соборе, чтобы тот получил от чтения этой книги божию милость, мудрость и разум, желая при этом только одного, чтобы с Иоанном в одной вере была святая и апостольская церковь.

Поссевину папа дал прямое указание внушать как можно искуснее мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника римского, признаваемого таковым от всех государей христианских [4, с. 643]. Таким образом папа говорил от имени всего католического Запада.

Посевин, следуя указаниям папы, говорил: «К царствам и богатствам, которых у тебя много, к славе той, которую ты приоб-

рел расширением земли своей, прибавь славу единения с верою апостольскою, и тогда великое множество небесного благословения получишь».

Как отвечал Иоанн на это предложение? Он ссылаясь на поведение представителей западного мира, в частности короля Стефана. «Удивляемся, как это Стефан-король делает, что ни в каких государствах не ведется; уцепится за которое дело, да и хочет на своем поставить. Стефан-король тебе говорил, что не хочет с нами мириться до тех пор, пока не отдам ему обещанной земли, но этому как стать? Хотя бы ему и уступили Ливонию, но вперед миру не будет же! Он и так на нас всю Италию (т.е. Западную Европу) поднял!» [4, с. 645] Таким образом, духовное господство и господство геополитическое взаимодействуют друг с другом в соответствии с определенной логикой успеха или неуспеха экспансии. Исторически субъекты этой логики могут меняться, но сущность смысловая сохраняется на протяжении веков.

Духовная и политическая позиция Иоанна в его цивилизационной определенности – это предчувствие польской интервенции и воцарения Лжедмитрия в Кремле.

В своей беседе с Поссевином о вере Иоанн говорил: «Нам с вами не сойтись о вере: наша вера христианская с издавних лет была сама по себе, а римская церковь сама по себе... а мы веру истинную христианскую исповедуем, и с нашею верой христианского римская вера во многом не сойдется... Да нам на такое великое дело и дерзнуть нельзя без благословения отца нашего и богомольца митрополита и всего священного собора» [4, с. 649–650]. Внутреннюю веру в Византийскую симфонию Иоанн сохранял, но государственная политика уже не укладывалась в ее правила. Иоанн пытался пройти политическую и военную блокаду Запада путем сватовства к племяннице королевы Англии Марии Гастингс. Но сватовство оказалось неудачным. Иоанну было сказано, что племянница королевы княжна Марья недостаточно красива, чтобы стать невестой царя, и кроме того она тяжело больна.

Англия добивалась для своих купцов права исключительной и беспощинной торговли, но в то же время отклоняла идею союза России и Англии против врагов Иоанна. Иоанн IV – это продолжатель отцовского и дедовского наследия. Принятие царского титула, сохранение его и стремление установить связь с Августом-

кесарем и Владимиром Мономахом. Это – проявление стремления поднять авторитет централизованной власти, закрепить его над плюрализмом родовых внутренних сил и над враждебными соседями. Между царем Московским и этим плюрализмом внутренних и внешних сил равенства нет, а тем более не может быть признано их какое-либо превосходство.

Восприятие этой истины формировало государственный Разум, который обретал свою реальность в процессе становления его духовного оформления. Для его публичного представления Иоанн стал употреблять *богословие*, которое представляло титул царя как реализацию божественной Троицы, истинного христианства и высшей мудрости. Титул царя и реализация его внутренней сущности совпадают с осуществлением воли Бога и крайнего выражения Разума.

Иными словами, *титул царя* – это не просто новое наименование великого князя, а определение *качественно новой реальности*, господствующей в силу своей связи с сакральностью бытия над всеми частными представлениями об истине и соответствующими волеизъявлениями.

Таким образом, утверждалось представление о единственной истинности централизованной государственной власти как власти самодержавного царя. В сущности самодержавного царя соединялось право светское и право духовное, т.е. независимость абсолютизма. Это определяло власть царя над человеком независимо от его княжеского или боярского происхождения и вместе с тем формирование своего ближайшего окружения. «Если по означенным причинам возвысилось значение дворянина, то еще более по тем же причинам возвысилось значение *слуги*, ибо это название с описываемого времени является самым почетным: в 1554 году его носил князь Михаил Иванович Воротынский» [5, с. 10].

Таким образом формировался процесс органического соединения власти царской с властью духовной. Духовная власть стала придавать царской власти *ореол сакральности*, который возвышал царя над родовой властью князя и административной властью боярина.

Андрей Курбский главными виновниками перемен, которые произошли в отношениях московских великих князей и их дружины, считал Софию Палеолог, сына Иоанна III и Софии Палеолог

Василия. Иоанн IV – внук Иоанна III и Софии Палеолог – достойно продолжал их дело становления централизованного государства, укрепление которого превращается и в духовную задачу православной церкви. Государственный Разум находит свое выражение не в гипертрофированной автономии патриаршества, а в духовном укреплении процесса формирования независимой российской цивилизации. Этот процесс начинал обретать более систематизированную форму вместе с началом книгопечатания в России. С 1563 г. книгопечатанием в России стали заниматься два мастера – Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец. Духовная литература, переведенная на русский язык, становится всё более доступной. Вместе с тем оставалась проблема идентичности славянского текста, проблема правописания. «Первые мастера, напечатавшие в 1565 г. Часовник, принуждены были бежать из Москвы за границу, обвиненные в ереси» [5, с. 181].

Вместе с тем развитие книгопечатания в России становится важным фактором духовного оформления идеи Русской симфонии. Структура самодержавного государственного управления.

4. Специфика Русской симфонии: дуализм народа и самодержавия

Злоключения с книгопечатанием не меняли ситуации глубокого духовного сдвига в народе, который всё более осознанно связывал судьбу страны как целого с судьбой ее центральной власти, т. е. с судьбой *царя*. Символом формирования и реальности этой связи стала легенда о подвиге Ивана Сусанина, который для того, чтобы спасти жизнь царя, завел отряд враждебных интервентов в непроходимые болота, в которых они погибли с помощью самопожертвования простого крестьянина.

В 1619 г. зять Сусанина Богдан Собинин получил грамоту от царя Михаила. В этой грамоте царь Михаил подтверждал, что находился в Костроме, когда в уезд приходили польские и литовские люди, пытали Ивана Сусанина, чтобы узнать, где находился великий государь. Иван Сусанин, зная, где он в это время находился, не выдал истины и был замучен до смерти. Эта грамота, которая давала определенные привилегии родным Ивана Сусанина, была подтверждена в 1639 г. и в 1641 г.; в 1691 г. от имени ца-

рей Иоанна и Петра; в 1767 г. от имени Екатерины II. В 1862 г. С.М. Соловьев поместил в газете «Наше время» свою публикацию «О статье г. Костомарова “Иван Сусанин”», в которой выступил против попытки Костомарова «уменьшить или совсем уничтожить важность подвига Сусанина» [6, с. 343].

С.М. Соловьев отчетливо увидел общий итог происходящих изменений в структурах государственной власти. Цивилизационные колебания и возникновение военных союзов некоторых князей с цивилизационными врагами Руси, обнажили ключевое цивилизационное значение духовного единения народной массы с самодержавной властью царя. Польская интервенция со всей очевидностью обнаружила фундаментальную важность такого единения. Она и была подтверждена грамотой 1619 г., а затем в 1633, в 1641; в 1691 и в 1768 г. Такое демонстративное длительное подтверждение смысловой грамоты отражало трансформацию смысла Византийской симфонии как структуры, определяющей внутреннее государственное единство Руси, в государственную логику совпадения духовного устремления народа, его готовности к самопожертвованию во имя *утверждения и защиты самодержавной монархии как условия самосохранения государственного целого России*. Этот смысловой акцент имел принципиальное значение. Механизм внутреннего становления цивилизационного единства Руси как государственного целого во многом определялся целостностью народа и царя, которая нейтрализовала своеволие княжеской власти. Она могла перерастать в *измену*, готовность к сотрудничеству с врагами России.

Эта «логика» цивилизационного поведения обрела универсальный исторический смысл. Она могла проявлять себя в иных исторических обстоятельствах, в отношениях с *мнимыми* государственными субъектами. Характерно, что в годы советской власти опера Глинки «Жизнь за царя» была представлена в репертуаре Большого театра в качестве ведущей, которой могли открывать очередной сезон оперного репертуара, правда, под другим названием.

С.М. Соловьев, обладая глубоким цивилизационным видением давал точную оценку позиции Костомарова. Он писал: «Мы видели, что Костомаров употребил приемы мелкой исторической критики, подкапываясь под известие о подвиге Сусанина. Для

подобных явлений есть высшая критика. Встречаясь с таким явлением, историк углубляется в состояние духа народного, и если видит большое напряжение нравственных сил народа, какое было именно у нас в смутное время, если видит подвиги Минина, Пожарского, Ржевского, Философова, Луговского, то не усумнится признать достоверным и подвиг Сусанина, не станет подвергать мученика новой пытке, допрашивать, действительно ли он за это замучен и было ли из-за чего подвергаться мучениям! Точно так же поступит историк и в отношении подвига Галачана... Он знает, что в эпоху Хмельницкого на Юге было также большое напряжение нравственных сил русского народа, засвидетельствованное самими врагами, которые пишут, что между Русью нельзя найти шпиона, что русского пленника хоть жги – ничего не скажет про своих» [6, с. 345].

Характерно, что аналогичная ситуация большого напряжения нравственных сил народа возникла в годы Великой Отечественной войны с рождением массового явления подвигов советских людей. После войны также возникли попытки развенчать эти подвиги, нивелировать всё действительно великое и героическое. Это делали индивиды, которые, зная себя, не могли представить, что другие люди ведут себя иначе, а именно – жертвуют собой во имя достоинства и независимости Родины.

Феномен народного духа как составляющей структуры государственного управления стал оказывать свое влияние на образ мысли и принятие решений царя.

Характерен в этом отношении тип мышления Петра Великого. Историки отмечали, что Петр являлся перед наблюдателем в вечном потоке разнообразных дел, в постоянном деловом общении со множеством людей, среди непрерывной смены впечатлений и предприятий; всего труднее вообразить его наедине с самим собой, в уединенном кабинете, а не в людной, шумной мастерской [2, с. 375].

Не менее трудно вообразить Петра в диалоге с патриархом, обсуждая ключевые духовные проблемы государственной жизни. Это, однако, не означало, что у него отсутствовало понимание тех основ, которые определяли направленность стратегии его жизни и принимаемых им практических решений. «У него всегда были наготове две основы его образа мыслей и действий, прочно зало-

женные еще в ранние годы под неуловимыми для нас влияниями: это – неослабное чувство долга и вечно напряженная мысль об общем благе отечества, в служении которому и состоит этот долг» [2, с. 376].

Неуловимые для нас влияния – это не что иное, как концентрированный исторический опыт, открывающий истину пути государственного управления. Это, прежде всего, понимание единства самодержавного царя и самоотверженного народа как неперемных условий успеха государственного строительства. И, во-вторых, это необходимость коренного слома древнерусского политического сознания, коррекции логики Византийской симфонии, а значит, и духовных оснований патриаршества. Самодержец получает свою власть от Земского собора. Это то светское решение, авторитет которого ограничивает власть патриарха. Самодержец становится независимым от патриарха. Именно Петр открыто и определенно проявил качества самодержца, который формировал ту нравственность исполнителей его власти, которая отвечала велениям нового времени и решению тех грандиозных задач, которые практически встали перед Россией, имея в виду не только задачи выживания, но и задачи расширения и укрепления ее государственных позиций. По сути дела Петр Великий формировал новые качества русского народа, способного обеспечивать внутренний распорядок, благоустройство жизни и оборону державы.

Формирование народа как цивилизационного субъекта отчетливо проявилось уже в процессе изгнания поляков. И это качество русского народа проявлялось исторически в изгнании Великой армии Наполеона и в исторические годы Великой Отечественной войны, в разгроме нацистского нашествия.

В историческом процессе формировалось понимание служения Отечеству, Государству, отступающего от обычной житейской практики, когда общественное служение воспринималось как повинность или как средство устройства личного благополучия. Общее благо понималось как сумма частных интересов, а не как *личное слияние с интересами Отечества*. В этом слиянии проявлялась сущность патриотизма. Петр Великий подавал личный пример самоотречения от пышных придворных обрядов и роскошных нарядов.

Своему сыну Алексею он давал высокие нравственные наставления: «Ты должен любить всё, что служит ко благу и чести отечества, не щади трудов для общего блага, а если советы мои разнесет ветер, я не признаю тебя своим сыном» [2, с. 378]. Для Петра Великого слово божие любить ближнего воспринималось как любовь к народу, который строит, укрепляет державу, объединяющую составляющих ее людей. Это представление утверждалось в ситуации, когда господствовало общее представление, что ближние – это семейные, родные, друзья.

Если во время войны близкими могли становиться все сразу в силу общей угрозы, то в мирное время понимание общего блага совпадало с частным интересом. Это представление относилось не только к простому народу, но и к элите общества, особенно к родовой знати, не склонной к восприятию государственной дисциплины, ущемляющей ее свободу. Это внутреннее духовное противоречие, заложенное внутри самодержавного государственного устройства, исторически проявляло себя в глубинных цивилизационных кризисах власти.

Исторически специфика духовных ориентаций народа как цивилизационного субъекта проявилась в пугачёвском бунте с его идеей нового царя, соответствующего интересам и духу народа, восставшего против господ, властвующей элиты с ее поместьями и крепостными крестьянами, спецификой интересов и образа жизни. Бунт обнажил внутреннюю противоречивость народа как цивилизационного субъекта. Проявила себя и специфика духовной ориентации российской родовой и дворянской знати, представители которой после победы над Наполеоном стали размышлять о государственном переустройстве. Екатерина II сделала ряд шагов, направленных на максимальное удовлетворение частных интересов, но этого было мало.

Стремление России к свободе наиболее рельефно проявило себя в знаменитом восстании декабристов.

Самодержавие могло опираться на свою силу и на свой авторитет, который уже не мог апеллировать к Византийской симфонии, к духовной власти патриарха, утратившего свой пост (1703). Учреждение Синода, руководимого обер-прокурором, назначаемым царем (1721), превратило вечное обращение к абсолютному духовному авторитету в исторический феномен: контакт

с Богом теперь замещался контактом с царем, который наделил себя титулом императора. Цивилизационные противоречия пришли в свое самостоятельное движение. Оно вызвало глубокую эрозию Русской симфонии. Русская симфония подверглась разрушению в связи с утратой доверия народа к царю и эгоцентрической позицией отечественной аристократии.

Разрушение Русской симфонии обрело окончательную форму в виде трех революций и цивилизационный смысл в форме Союза Советских Социалистических Республик.

СССР воспринимался как действительная власть народа, единство которого определялось свержением самодержавия, экспроприацией собственности помещиков и капиталистов, а значит, и устранением истоков тех противоречий, которые в конечном счете привели к крушению империи. Восстановление духовной власти патриарха (1917), казалось бы, открывало путь к возрождению Византийской симфонии. Но этого не произошло.

Представление патриарха о конечной цели человеческого бытия и представление философии марксизма-ленинизма расходились кардинально. Коммунизм предполагал построение совершенного, справедливого общества на земле и в обозримой перспективе. Соответственно, он занял непримиримую позицию воинствующего атеизма.

Между тем, парадоксальным образом искореняя порядки исторического прошлого, адепты научного коммунизма практически реставрировали древнерусские цивилизационные смыслы.

Абсолютная власть Генерального секретаря Центрального комитета партии в своей сущности совпадала со статусом самодержавного правителя.

Реальный процесс формирования нового руководящего класса, как цивилизационной элиты общества, с ее особым статусом и социальным положением, в основных чертах воспроизводил логику поведения той элиты, которая образовывала рабочую команду таких монархов, как Петр Великий. Его команду государственного управления составлял разнородный состав, в который входили русские и иностранцы, знатные и безродные, талантливые и обыкновенные, но преданные исполнители.

Казалось бы, это была реализация эффективности цивилизационного смысла Русской симфонии. Вместе с тем в психологии

этой элиты завелись такие пороки, как мздоимство великое, кража государственных средств. Петр вел напряженную, но безуспешную борьбу. Он видел, что вокруг него чиновники играют в закон, как он говорил, «словно в карты». Существует версия, что однажды в Сенате, выведенный из терпения этой повальной недобросовестностью, он хотел издать указ вешать всякого чиновника, укравшего хоть столько, сколько нужно на покупку веревки для его повешения.

Генеральный прокурор Ягужинский отговорил его делать это, поскольку царю придется царствовать одному без слуг и без подданных. «Мы все ворует, – сказал Ягужинский, – только один больше и приметнее другого» [2, с. 383].

Номенклатура советского общества также имела разнородный социальный и национальный состав. Классовое пролетарское происхождение априори мыслилось как социальная гарантия высокой, аскетической нравственности.

И.В. Сталин отличался своим аскетизмом. Но это не значит, что аскетическому образцу следовали все, в том числе и ближайшее окружение.

Характерно, что в своей сущности логика воспитания таких монархов, как Петр Великий, и Генеральных секретарей, как И.В. Сталин, нравственно совпадала.

Отречение от Византийской симфонии и убеждение в том, что формирование нравственности государственного строителя и защитника Отечества, – это не дело патриарха, открывали путь для использования потенциала Русской симфонии, взаимодействия центральной власти и нравственного потенциала народа. И здесь приходилось расставаться с иллюзией, что все государственные деятели будут следовать тем нравственным заветам, которые Петр Великий сформулировал своему сыну Алексею, и будут понимать, что нарушение этих заветов будет сурово караться.

В этих нравственных требованиях содержалось открытие того факта, что мораль Ивана Сусанина, его самоотверженное служение Отечеству – это не общее народное свойство.

В команде Петра Великого делал феноменальную карьеру выходец из народа, едва умевший, по выражению князя Б. Куракина, расписаться в получении жалования, превратившийся в фаворита царя, ставший чем-то вроде главного начальника его

штаба, с блеском командовавшего в боях. Он оказал Петру услуги, которые тот никогда не забывал.

Вместе с тем светлейший князь любил деньги и не стеснялся добывать их в своих многочисленных злоупотреблениях. Петр знал о них и говорил, что он «в плутовстве скончает живот свой; если не исправится, быть ему без головы» [2, с. 385].

Таким образом, нравственные начала жизни человека, его социального бытия определяются не его происхождением, а характером его воспитания, его самосознанием. Это – постоянно действующий закон жизни. Он отчетливо проявил свое действие в знаменитые 90-е годы. Лидеры перестройки обещали построить новое общество с «человеческим лицом». И на поверхность жизни общества всплыло человеческое лицо уголовного элемента. Когда в системе государственного управления начинает доминировать частный интерес, то эта доминирующая тенденция государственного управления влечет за собой самодеструкцию государства.

Советский Союз, как мировая сверхдержава, был разрушен частными интересами борьбы за власть. В стране не оказалось той великой личности, которая могла потушить индивидуалистические страсти. Для наведения нравственного порядка и прояснения разума в головах чиновников и властвующих персон нужна была *дубина Петра*. Но и ее оказывалось недостаточно. Вместе с тем Петр умел устраивать и использовать неформальные встречи со своим окружением, на которых гости, разблагодушествовавшись, выказывали царю все, что у каждого лежало на душе. Всех, кто расстраивал откровенную беседу или вел себя неправильно, царь наказывал штрафом, заставлял выпить орла – т.е. большой ковш вина. Очевидно, что это технология, не имеющая отношения к Русской симфонии. Так формировалась доверчивая близость в отношениях без какого-либо панибратства. Эта близость могла многому научить, но не вела к распущенности, увеличивала ответственность. Можно свидетельствовать о таланте Петра Великого как воспитателя, формирующего нравственность своего окружения особыми методами. Безусловно, Петр был исключительной личностью. Но, безусловно Петр не мог своими личными усилиями, *своей дубиной охватить весь народ*. Народ как цивилизационный субъект формировался своими путями.

Ключевая слабость самодержца как воспитателя народа, утверждавшего цивилизационные умения строить государство и сохранять государственную дисциплину, состояла в том, что он не имел своего собственного взгляда на этот конечный смысл жизни, который мог соответствовать жизненному опыту *простого представителя народа: ради чего он должен трудиться и жертвовать собой, ради какого смысла он должен терпеть в этой жизни?* Когда произошел разрыв между крепостным и его господином в их общей борьбе за выживание, то распалась и та великая связь, которая рождала Ивана Сусанина, отдававшего свою жизнь за царя.

Разрыв единства высшего смысла бытия между самодержцем и народом означал начало крушения самодержавия. И это крушение инициировало ближайшее окружение самодержца. Это окружение рассчитывало на утверждение *своей* власти как истока *своей* частной свободы и реализации *своих* интересов. И это была иллюзия, которая вскоре потерпела крушение.

Список литературы

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М. : Книга, 1988. – Кн. 1, т. 1–4. – 682 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. – М. : Мысль, 1990. – Т. 8 : Статьи. – 445 с.
3. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. – М. : МБА, 2011. – 440 с.
4. Соловьев С.М. Сочинения. – М. : Мысль, 1989. – Кн. 3, т. 5–6. – 783 с.
5. Соловьев С.М. Сочинения. – М. : Мысль, 1989. – Кн. 4, т. 7–8. – 752 с.
6. Соловьев С.М. Сочинения. – Кн. 5 : История России с древнейших времен, т. 9–10. – М. : Мысль, 1990. – 718 с.